

БОЛЬШОЙ НАУЧНЫЙ ПРОЕКТ

Игорь ГАРИН

НЕПРИЗНАННЫЕ ГЕНИИ

Харьков
«ФОЛИО»
2018

ПРИРОДА ГЕНИАЛЬНОСТИ

*Великие люди — это оглавление книги
человечества.*

Ф. Геббель

Гений — это судьба.

А. Рахматов

Великая судьба — великое рабство.

Сенека Старший

Я всегда считал, что самые интересные вещи в мире являются наименее изученными. Нас интересует обратная сторона Луны, но мы не знаем, как работает наше сознание. Мы проникли в глубины космоса, но нам неведома природа человеческой гениальности. Как написал Ш. Алимбаев в «Формуле гениальности», «человечеству оказалось гораздо легче выйти в космос и совершить множество полетов к иным планетам, чем изучить свой мозг».

Мы догадываемся, что у гения сознание «устроено» иначе, чем у обиденных людей, да и личность его нестандартна. Фактически мы так и не знаем самых простых вещей: каким образом в мозгу человека рождается мысль, музыкальная фраза, стихотворная строка, математическая формула, теологическая или философская идея. Да и сами творцы теряются в ответе на подобные вопросы. Они сходятся лишь в том, что это происходит спонтанно, помимо их воли: «Это совершалось в каком-то приятном сне», — говорил Рафаэль о своем творчестве.

Моцарт рассказывал, что музыка возникала в нем «неволью, точно в прекрасном, очень отчетливом сне». А Гёте признавался: «Так как я написал это сочинение («Страдания молодого Вертера») довольно бессознательно, подобно лунатику, то я сам изумился ему, когда приступил к его обработке».

Очень часто побуждением к творению является «божественный толчок», молитва, видение, просветление... И. Н. Крамской во время работы над картиной «Христос в пустыне» много молился, страдал и «вдруг увидел фигуру, сидящую в глубоком раздумье»...

Мопассан поведал, что однажды, когда он работал за письменным столом, дверь его кабинета вдруг отворилась, и в комнату вошла... его собственная фигура, села напротив него, опустив голову на руку, и начала диктовать ему, что писать. Когда он закончил творить и встал из-за стола, видение исчезло.

Английскому поэту С. Т. Колриджу во время сна, длившегося три часа, приснилось более 200 (!) стихов, которые он, проснувшись, поспешно записал.

Итальянскому композитору Дж. Тартини во сне явился дьявол и с высочайшим мастерством сыграл ему сонату. Пробудившись, Дж. Тартини записал ее и назвал «Трель дьявола».

А. К. Толстой тоже описывал свои озарения в инфернальных тонах: «мысли смутились», «я потерял сознание», «мною овладела какая-то мучительная боль», «три раза в моей жизни я переживал это чувство... очень тяжелое и даже страшное». «В том, что я тогда написал, есть какого-то рода предчувствие близкой смерти». И действительно, через восемь дней после этого признания А. К. Толстой скончался...

Эти и подобные свидетельства психологи объясняют бессознательностью творческого акта или озарения, но разве это что-либо проясняет?

Иммануил Кант считал, что гениальность свойственна только художественному творчеству, а не науке. Чем гениальнее человек, тем меньше в нем рационального и тем больше экстатического, бессознательного, сверхразумного.

По мнению Джона Китса, Мастер природой своей осужден на сомнения, неуверенность, догадки. Факты и трезвая рассудительность не входят в комплекс его достоинств.

К феномену гениальности нельзя подходить исключительно с позиции науки, потому что сама ее основа иррациональна. Даже сами ученые сходятся в том, что гениям свойственно принимать решения и совершать открытия на интуитивном, а не на аналитическом уровне, которому соответствует «Эврика!» Архимеда.

О пресловутом «научном подходе» к гениальности можно сказать то, что исследование мозгов постреволюционных русских деятелей, по инициативе В. М. Бехтерева собранных в специально созданном для этого институте, дали результат, вполне сравнимый с их псевдогениальностью, то есть пшик¹.

Артур Шопенгауэр делил человечество на «людей гения» и «людей пользы». Интуитивное восприятие первых превалирует над рассудочным: не зная законов гармонии, они бессознательно творят по этим законам. С. Киркегор так и говорил: «Гений, по существу своему, бессознателен — он не представляет доводов». Очень часто авторы гениальных произведений после творческого экстаза сами не понимают, как им такое удалось.

Дени Дидро считал, что гении падают с неба. И добавлял: «И на один раз, когда он встречает ворота дворца, приходится сто тысяч случаев, когда он падает мимо». Это следует понимать в двух смыслах: многим не удастся реализовать природную гениальность, а из удавшихся только один из ста тысяч получает прижизненное признание. Гении, как правило, не только непонятны окружающим, но являются объектами их осмеяния и остракизма.

Талантливые люди — это абсолютное меньшинство живущих, но даже их количество незначительно (менее 1—2%), гениальность же всегда уникальна. По результатам исследований В. П. Эфроимсона, посвятившего жизнь исследованию этого феномена, гениальность выпадает на долю одного из тысячи, развивается в необходимой мере у одного из миллиона, а настоящим гением становится один из десяти или даже ста миллионов. Достаточно сказать, что количество общепризнан-

¹ О качестве многолетних анатомических исследований такого рода свидетельствует анекдотический факт: в соответствующих отчетах бехтеревского Института мозга писалось, что все выдающиеся мозги вместе взятые «проигрывали» главному экспонату пантеона — заведомо «неповторимому мозгу Ленина»... Сегодня мы знаем главное об этой «неповторимости» — грандиозный склероз...

ных гениев в Европе и Северной Америке за исторически обозримое время исчисляется всего в несколько сот человек (400—500).

Гениальность — это уникальная способность упорядочения хаоса, выхватывания из него элементов порядка. Это в равной степени относится к гениям науки и искусства, способным в состояниях нелинейности, неопределенности, непредсказуемости услышать малоразборчивые «голоса бытия». Гений творит новое из «сора», помех, аномалий, исключений из правил, и сама гениальность — не что иное, как аномальная способность к уникальному творчеству.

Если мозг обычного человека рождает упорядоченные структуры, то мозг гения — неупорядоченные, непредсказуемые, невероятные, ни на что не похожие, сильно отклоненные от средних значений, задаваемых общественными стереотипами, образцами, эталонами. Средний человек не способен создать того, что сильно отличалось бы от привычного, гений создает нечто, что значительно превосходит среднее, а значит, является в принципе новым, и делает это часто.

Если хотите, гениальность всегда направлена против отживших законов и установлений: Бетховен говорил, что нет правила, которое нельзя было бы нарушить ради большей красоты. Вот почему то, что вчера говорил гений, завтра будут говорить все.

Неофилия, ненасытная любознательность, увлеченность, наблюдательность, оригинальность, независимость в суждениях, готовность рисковать, упорство и настойчивость, естественно, способствуют получению значительных результатов, но, мне представляется, что для гения более важны богатство внутреннего мира, богатое воображение, развитое эстетическое чувство, способность оперировать неопределенными понятиями, неконформизм, неприятие традиций...

Для меня гениальность привлекательна, прежде всего широтой охвата и разномыслием, без которых невозможна духовная жизнь. «Ибо надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные» (1 Кор. 11, 19). Глубокое мышление отличается терпимостью и широтой. С. Гроф в «Психологии будущего» говорит по этому поводу: «Истинная духовность является вселенской и всеохватывающей».

Р. Эмерсон считал, что великий ум проявит свою силу не только в умении мыслить, но и в умении жить. С этим трудно согласиться, потому что большинство гениев жить в обыденном понимании как раз не умели. Здесь я больше соглашусь с Джеймсом Расселом Лоуэллом, который сказал: «Гении обладают одной привилегией — для них жизнь никогда не становится будничной, какой она бывает для всех нас», и с Уистеном Оденом: «Гении — счастливейшие из смертных, поскольку то, что они должны делать, полностью совпадает с тем, что им больше всего хочется делать».

Увы, гениальное творчество отнюдь не тождественно гениальной жизни. Вряд ли вы сможете назвать более пяти гениальных людей, которым удалось соединить то и другое. Гений велик лишь тогда, когда он творит, но часто вызывает сочувствие и жалость, когда мы узнаем о его повседневной жизни. Порой кажется, что могучая сила творчества, подпитываемая жизненной энергией, не оставляет ее ни для чего иного.

Мощью духа на гения возложена миссия нести достоинство человека, жертвовать выгодой и успехом ради правды, проникать в сущность вещей за счет собственных жизненных утрат. Призвание можно распознать и доказать только жертвой, которую приносит художник или ученый своему покою и благосостоянию, чтобы отдаться своему призванию.

Эдгар По считал человеческие пороки неотъемлемыми свойствами гения, и вся его личность действительно являет собой яркое свидетельство совместимости высочайшей духовности с обилием человеческих недостатков и страстей.

Мне кажется, что гений — это антипод эвримена, одномерного человека, того представителя толпы, о которой американский нонконформист Чарльз Буковски сказал: «Несчастье для меня — это быть в толпе. Быть в толпе людей и слушать их разговоры. От этого можно сойти с ума. Эти разговоры — разговоры умалишенных. Даже собаки говорят лучше».

На протяжении многих веков (по крайней мере с VII по XII) европейское христианство преследовало поэтов и музыкантов. Церковь их изгоняла из общин, объявляла вне закона, запрещала хоронить на кладбищах. Но талантливые люди все равно шли в искусство, не рассчитывая ни на славу, ни на благополучие, ни на признание успеха. Воля к творчеству и самореализации превозмогала обскурантизм и даже инстинкт самосохранения. Можно говорить о существовании мощнейшего инстинкта или потребности к созиданию, которые превозмогают государственную или церковную власть. Я не буду говорить здесь о многообразии функций искусства, но я, прежде всего, выделил бы одухотворение и катарсис как свойства, приближающие человека к небесам.

В своем творчестве гений как бы конкурирует с Богом, создавая свой мир, подобный тому Божьему миру, в котором мы живем, обнажая свои сокровенные мысли, чувства, пристрастия, открывая иные миры. Недаром говорят, что в творении непременно отражается его творец. Но для того чтобы творчество выражало божественные истины, возвышало человека, творец должен пройти мучительный процесс духовного очищения и совершенствования.

За пушкинской строкой «Глаголом жги сердца людей», относящейся к пророку, кроется очень много смыслов: духовная жажда гения, мучительное духовное преображение творца в акте просветления, еще — мысль о том, что стать глашатаем божественных истин, божьим пророком можно лишь после катарсиса и преображения, освобождения от пут жизни и тела.

Творческий процесс гения амбивалентен: грандиозная радость, счастье, наслаждение плюс колоссальное напряжение духовных и физических сил, самоограничение, а порой и самопожертвование, огромные терзания, горькое недовольство достигнутым — то, что получило название «мук творчества» и нашло отражение в живописи, поэзии и музыке.

Быть поэтом — это значит то же,
Если правды жизни не нарушить,
Рубцевать себя по нежной коже,
Кровью чувств ласкать чужие души.

(С. Есенин)

Микеланджело постоянно преследовали творческие муки иного характера. Завистники и конкуренты плели интриги, мешавшие его творчеству, распускали о нем гнусные слухи; заказчики передумывали и меняли свой заказ, обычно упрощая его; и мастеру, потратившему много сил, времени и средств на поиски и приобретение мраморных глыб, оборудование очередной мастерской, приходилось бросать уже начатую работу. Поэтому до нас дошло так много его незавершенных произведений. А сколько огорчений испытал он, когда по чьей-то вине разрушались или сознательно уничтожались уже законченные работы! Вот почему 24 октября 1542 года Микеланджело писал Луиджи дель Риччо: «Живопись и скульптура, труд и верность меня погубили; и так продолжается всё хуже и хуже. Было бы для меня лучше, если бы я с ранних лет научился делать серные спички — я не испытал бы стольких страданий!»

Муки творчества очень ярко описал Эжен Делакруа:

«Трудиться до седьмого пота, оттачивая свое перо или карандаш, — это не всегда удовольствие, как думают те, кто только наблюдает за этой работой; чаще всего это — настоящий ад. Это изнурительно, как приступ лихорадки. Этого страшатся, как тяжелой операции, успешный исход которой сомнителен». <...>

«Красота — это плод постоянного вдохновения, порожденного упорным трудом. Она появляется на свет с болью и мучениями, как и всё, что должно жить. Люди находят в ней величайшую отраду и утешение, а потому она не может быть плодом мимолетного впечатления или избитой традиции! Ничтожные усилия ожидает ничтожная награда!»¹

Гений — не только божественный полет мысли, но также невероятное упорство труда, приподнятое вдохновением, или вдохновение, подкрепленное титаническим трудом.

Одной из проблем гениальности является воля. Подобно тому, как Магеллану или Колумбу была необходима огромная решимость для того, чтобы отправиться в опасное и неизведанное плавание, так гению трудно состояться без интеллектуальной или духовной смелости и воли, без которых ему закрыт вход в *«иные миры»*, «чудесное» или «невероятное» — я имею в виду ту сверхчеловеческую волю к новому, без которой нельзя преодолеть устоявшиеся взгляды и традиции, «заразить» «сумасшедшими идеями» нормальных людей или, по меньшей мере, выдержать насмешки и издевательства «беотийцев»², как именовал плебс великий Гаусс.

Гениальность абсолютно несовместима с конформизмом, подлым духом приспособленчества и отстаивания отживших принципов. Гениальность несовместима со служивостью: выгода убивает духовность и мудрость. Гениальные выдумки всегда

¹ Эжен Делакруа. Мысли об искусстве. О знаменитых художниках.— М., 1960. — С. 45, 181.

² Беотийцы — жители Беотии — области Древней Греции, которых современники считали неисправимыми глупцами, так что со временем название «беотиец» стало таким же нарицательным, как в наше время чукча.

казались мне ценней точных расчетов. Гениальность просто невозможна без человеческой смелости и дерзости — дерзости в том, чтобы открыто выступить с отважной и бросающей вызов мыслью, как это было, скажем, с открытием неевклидовой геометрии.

Гениальность для меня — высшая степень творческой одаренности личности, дар, властвующий над самим человеком.

Гениальность — высшее проявление духовной природы бессознательного.

Гениальность — весть из вечности. С. Киркегор писал, что Моцарт входит в малую плеяду тех, чьи имена и труды время не забудет, ибо они принадлежат вечности.

Не спи, не спи, художник,
Не предавайся сну,
Ты — вечности заложник
У времени в плену.

(Борис Пастернак)

Гениальность — способность понимать, как работают вещи без знания природы вещей.

Гениальность — дар глубины, глубинная подсознательность, доминирование глубины над поверхностью.

Гениальность — рождение духа истины в человеке.

Для гения нет явлений, нет времени, нет добра и зла — только ландшафты души, глубина чувств, проникновение в недра, единение с вечностью.

Гениальность — уникальная флуктуация человеческой природы.

Гениальность — одержимость, инстинктивность, способность совершать сверхусилия при движении к избранной цели. Гений достигает того, о чем другие не то чтобы помыслить бояться, а даже и не задумываются.

Гениальность — самое высокое испытание, которое посылает жизнь.

Гениальность — дерзновенное преодоление «мира» и *страстная воля к иному бытию*.

Гениальность — сила воображения и активность души, бессонница и терпение мысли, сверхконцентрация, сверхзрение, дар терпения, безграничная вера в себя...

Гениальность — неофилия, вечная неудовлетворенность достигнутым, сверхактивность и сверхэнтузиазм.

Гениальность — заинтересованность всеми сторонами бытия. Гения интересует всё — от основ жизни до природы вещей. Гений живет в «*иных мирах*» — это миры видений и фантазий, которые на поверку оказываются глубже и плодотворнее сермяжной «реальности». Несовместимость гения с окружающим миром является результатом его систематических «выходов в вечность»: видя дальше и глубже других, гений отвергает ближние планы ради фантастических дальних.

Гениальность — утонченная, почти болезненная восприимчивость к бытию, обрекающая на страдание. Такая восприимчивость, обостренность ощущений, эмоциональная напряженность, ярко выраженный темперамент обеспечивают полноту и глубину восприятия, позволяющую преобразовывать творческий хаос мира в поэтический космос.

Гениальность — обостренное и экстатическое напряжение ума, способствующее открытию неожиданных перспектив, глубинных состояний, сокровенных изме-

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Часть I.	
ФЕНОМЕН ГЕНИАЛЬНОСТИ	11
Природа гениальности	13
Гениальность как богоприсутствие	32
Поэзия как непосредственная мудрость	45
Страдающий гений	54
Гениальность как болезнь: Ф. Ницше	69
Бездонно зияющая трещина	83
Творчество — глубокая рана: Л. Н. Толстой	96
Явь — кошмарнее сна: Ф. М. Достоевский	103
Часть II.	
НЕПРИЗНАННЫЕ ГЕНИИ.....	109
Иоганн Гутенберг (1400—1468)	111
Франсуа Вийон (1431—1463)	120
Луис Де Камоэнс (1524—1580)	144
Джон Донн (1572—1631).....	155
Якоб Бёме (1575—1624)	166
Барух Спиноза (1632—1677).....	177
Генри Кавендиш (1731—1810)	192
Уильям Блейк (1757—1827)	201
И. Х. Ф. Гёльдерлин (1770—1843)	217
Генрих Клейст (1777—1811)	232
Янош Больяи (1802—1860)	244
Жерар де Нерваль (1808—1855).....	255
Эдгар Аллан По (1809—1849)	263
Роберт Шуман (1810—1856)	300

Сёрен Киркегор (1813—1855).....	314
Эмили Дикинсон (1830—1886).....	337
Поль Верлен (1844—1896).....	347
Винсент Ван Гог (1853—1890).....	367
Альфред Жарри (1873—1907)	381
Роберт Музиль (1880—1942).....	392
Франц Кафка (1883—1924).....	405
Георг Тракль (1887—1914)	430
Симона Вейль (1909—1943).....	447
Пауль Целан (1920—1970)	464
Сильвия Плат (1932—1963)	488